

Глава 1

Незнакомка

Ржавчина говорил: «Желай тихо. Твои желания тебя слышат».

Я никогда не задумывалась, что именно это значит. Впрочем, тогда я не задумывалась о многом, а Ржавчина любил вернуть «умную фразу». И чем непонятнее она была, тем больше поражала нас — слушателей — и добавляла самодовольства самому говорившему. Однажды Ржавчина обмолвился, что в семь лет стянул со стола настоятеля книгу «Афоризмы на каждый день». И был так впечатлен своим поступком, что даже научился читать, чтобы расшифровать непонятные символы под обложкой. Ну и понятно, выучил эти фразы наизусть, чтобы потом вставлять по каждому поводу с видом снисходительного превосходства.

Сейчас я отдала бы многое, чтобы рядом оказался Ржавчина и снова брякнул что-нибудь эдакое.

Я по привычке запустила ладонь в волосы и дернула себя за короткие прядки, пытаясь не думать о прошлом. Хотя именно из-за него я сейчас здесь, возле кибитки памяти. Повозка со всех сторон была обклеена

желтыми листьями с нарисованными на них лицами. Я пошла вокруг, всматриваясь: вдруг увижу знакомых?

Порой мне даже казалось, что в ворохе листов мелькают родные черты. И я подпрыгивала, дергала бумагу, смотрела. Но нет. Портреты были чужие. Я никого не узнавала.

— Желаете оформить поиск, красавица? — Ко мне, шаркая, приблизился кибитчик и по совместительству рисовальщик.

Не вытаскивая руку, я пальцами пересчитала в кармане несколько монеток. Скучно. И кто-то сказал бы, что тратиться на никчемный поиск — глупо. И все же...

— Да, — я медленно кивнула.

— Кого рисовать? Вы ищете или вас ищут? — оживился старик. — Прошу сюда.

Он шустро разложил передо мной шаткий тряпичный стульчик, кряхтя, сел на ступеньку кибитки. Изнутри тянуло слегка подгоревшей кашей и жареным луком. Я задумчиво повертела в пальцах монетку, задумавшись над вопросом. Двойной поиск стоит дороже.

И со вздохом положила в коробку с мелками и графитными стержнями два медяка.

— Я ишу. И, надеюсь, ищут меня. Поэтому два портрета. Мой и... одного парня. Правда, последний раз я видела его четыре года назад. Он мог измениться. Но он довольно приметный. Ржавый... Ну то есть... рыжий. Рыжий, да.

Старик кивнул и отложил черный грифель, потянувшись к цветным мелкам.

— По описанию или образу?

— Вы видите образы? — Я подняла брови. Надо же!

Рисовальщик кивнул, а я снова вздохнула. Открывать воспоминания — неприятно, хотя и знаю, что рисовальщик увидит лишь то, что покажу. И все же каждый раз я нервничала и сопротивлялась. К тому же после снова разболится голова, это я тоже знала. Но и портрет получится достоверным, со слов такое невозможно.

— Давайте начнем с вашего портрета, милая, — понятно кивнул старик, и я благодарно улыбнулась.

Работал он быстро. Сухие руки, усыпанные коричневыми пятнышками, порхали над листом дешевой бумаги. Я же пока рассматривала аллею памяти и редких посетителей этого места. Такие аллеи были в каждом городе империи. Здесь стояли столбы с объявлениями о купле, продаже и аренде, предложениями о работе. Здесь же останавливались кибитки с рисовальщиками. Сюда приходили, чтобы поболтать и обсудить новости с приезжим людом.

Я тоже наведывалась на аллею и оставляла портреты на кибитках, надеясь, что это поможет. Но, увы, пока это ни к чему не привело.

Зябкий осенний ветер растрепал мне волосы и забрался под воротник грубого свитера. На самом деле уже пора надевать пальто, одна беда — у меня его нет. Мне нужны обновки: шерстяная юбка взамен полотняной, теплые ботинки, верхняя одежда... И стоит купить все это до наступления морозов. Вот только в моем кармане уныло перекатываются лишь несколько монет, а после аллеи памяти их станет еще меньше. Надо срочно найти другую работу — в магазинчике

старых книг, где я обрела пристанище, платили слишком мало.

Ну или пора уезжать. Вот только куда?

— Готово, красавица, — окликнул меня старик.

Я вздрогнула и перевела взгляд на серый лист. С него смотрело мое отражение. Темные кудряшки до плеч, лицо сердечком, прямой нос и упрямо сжатые губы. Взгляд то ли хмурый, то ли грустный. Художнику удалось поймать даже цвет глаз — темно-серые, тревожные.

— Ого, — удивилась я. — У вас талант!

— Да, я рисовал с детства. А потом повезло, в молодости посчастливилось открыть Дверь, — с гордостью пояснил рисовальщик.

— Дверь? В самом деле? — еще больше изумилась я. От этого слова привычно зазнобило.

— Да, я везунчик, милая госпожа. Правда, пришлось продать родительский дом, чтобы оплатить вход... Но это того стоит, вы ведь понимаете, — он довольно подмигнул. — Благодаря Двериндариуму я прожил прекрасную жизнь, милая госпожа! Жил в столице, пил вино с прекрасными женщинами, любил многих... Один раз мне даже посчастливилось попасть в Лигу Рисовальщиков, вы представляете? Мы расписывали купол в Хранилище Благодати! Если бы вы видели эту божественную красоту!

Рисовальщик закатил глаза и вытянул губы трубочкой, изо всех сил живописуя восторг. Я скрыла улыбку.

— Как же вы оказались в кибитке памяти? Да и Лурден находится довольно далеко от столицы империи.

— Ах, это все моя неугомонная женушка, будь она здорова! Потянуло ее к приключениям на старости лет! Говорит — хочу посмотреть империю, ну а раз ты рисуешь, купим кибитку памяти, чтобы не колесить зря! — с досадой крикнул мой собеседник и слегка испуганно обернулся: не слышит ли упомянутая женушка.

Я рассмеялась, не выдержав. Старик тоже улыбнулся, демонстрируя беззубый рот.

— Хотя я не жалею. И правда, что сидеть на одном месте? Вот доедем до Грязного моря и повернем обратно. Сколько мы мест повидали, моя дорогая! Да каких! Буквально неделю назад мы смотрели на Девичьи Косы — это изумительный водопад к северу от Лурдена. А уже завтра будем возле Рыбьего Хвоста, вы видели это ущелье? Ах, какая красота! Знаете, я ведь не просто так разъезжаю, а составляю иллюстрированный атлас империи! — Старик гордо огладил куцую бородачку. — Настанет день, и все услышат о рисовальщике Мистреоли! Так вы будете заказывать второй портрет?

Я кивнула, слегка ошарашенная резким переходом.

— Да. Значит, способность заглядывать в воспоминания — это Дар Двери?

Рисовальщик кивнул, доставая новый лист.

— Думайте о своем любимом. Представляйте его как можно четче.

Любимом? Я хотела поправить, но не стала. Зачем что-то объяснять...

Прикрыла глаза и вспомнила Ржавчину. В тот день он был непривычно задумчив. Не зубоскалил, как

обычно, не подначивал. Он сидел у окна столовой, уставившись на грязное стекло, словно желал что-то за ним рассмотреть. Хотя на что там было любоваться? Каменная стена соседнего здания, ветки засохшего клена — вот и вся картина. Уж точно не купол в Хранилище Благости...

Тогда тоже была осень, и жидкий свет лился на темно-рыжую голову Ржавчины, на его губы и ресницы, скрывающие рыже-карие глаза. Подчеркивал пятнышки веснушек, которые парень терпеть не мог, и высвечивал пробивающуюся на подбородке щетину. В тот день ему исполнилось семнадцать, и в моих глазах он был совсем взрослым.

Я помню, что сидела в углу столовой, украдкой глядя на парня. Мне хотелось, чтобы он улыбнулся и пошутил, мне всегда становилось легче, когда он так делал. Но Ржавчина молчал, кусал губы и смотрел на грязное стекло. А потом, словно почувствовав мой взгляд, — повернулся, глянул на меня. И я вздрогнула. Столько звериной тоски было в том взгляде...

До боли прикусив щеку, я оборвала воспоминание. Старик уже рисовал, переносил образ из моей головы на лист бумаги. Я вытянула шею, рассматривая. Да, выходило похоже и узнаваемо, рисовальщик и правда видел воспоминания. Закончив, протянул мне оба портрета.

— Повесьте вон там, под козырьком, — посоветовал старик. — Там дольше провисит, а то скоро дожди обещают...

Поблагодарив, я добавила на портреты свой адрес и имя, разместила их под указанным козырьком

и распрощалась с рисовальщиком. Уже вечером его кибитка отправится в путь, увозя портреты людей, которых кто-то ищет. Они будут колесить по городам и деревням, на них будет смотреть множество глаз. Вдруг среди них окажутся нужные?.. Это уже двенадцатая кибитка, проезжающая через Лурден. И на каждой я оставляла портреты. Правда, далеко не все рисовальщики оказывались такими способными, как старик Мистреоли. На некоторых невозможно распознать оригинал, но кибитчики всегда берут плату вперед.

Надеюсь, что хоть в этот раз мне повезет!

Ежась под порывами ветра, я двинулась вдоль реки. Двериндариум... Рисовальщику повезло там оказаться. Если бы и я могла... Но увы. Это невозможно.

За мостом находился книжный магазинчик, в котором я и работала, и проживала. Хозяйка магазинчика была ко мне добра, и мне нравилось это место. Нравился запах кожи, старых книг и древесины, нравились тихие звуки и улыбчивые, воспитанные посетители. Продавать книги — точно лучше, чем бегать с подносом в какой-нибудь сомнительной таверне. Но вот монет на такой работе я получала катастрофически мало.

Неужели скоро придется покинуть тихий магазинчик, в котором мне было так уютно? Пожалуй... На то, что платит мне достойная госпожа Фитцильям, я не переживу предстоящую зиму. А еще этот поиск... Может, надо забыть прошлое и перестать разыскивать Ржавчину?

Нет... Я передернула плечами. Я буду его искать, буду! Я должна его найти. Хотя бы для того, чтобы убедиться — он жив.

Над дверью книжного магазинчика приветливо звякнул колокольчик, когда я вошла. Изнутри потянуло сыростью и тонким запахом плесени: госпожа Фитцильям сэкономила на дровах. А о новых искровых печках, которые можно заказать у промышленников, и вовсе мечтать не приходилось.

— Госпожа Эмма, я вернулась! — крикнула я, повернув голову к узкой винтовой лесенке на второй этаж. Там располагались две тесные комнатухи, моя и хозяйки дома.

— Я как раз заканчиваю приготовление к утреннему чаю, милая, — донесся из-за темных полок и стеллажей голос госпожи Фитцильям. — Поторопись, пока нет посетителей.

Я промолчала, что о наплыве покупателей нам можно только мечтать. Над Лурденем набухали противные осенние тучки, а это значит, что и наших редких визитеров мы можем не дожидаться. В дождь жители этого тихого провинциального городка предпочитали сидеть дома у каминов, а не тащиться через мост в захудалый старинный магазинчик.

Но конечно, я не стала этого говорить. Лишь поправила свой старый свитер, разгладила подол юбки, осмотрела башмаки в поисках налипшей грязи и шагнула за стеллажи. Госпожа Фитцильям при виде меня поставила на круглый столик фарфоровую чашечку и мягко улыбнулась. Эта женщина была олицетворением благородства и изящества, пожалуй, она могла бы поспорить в этом и с самой императрицей Викторией. И совершенно неважно, что платье Эммы Фитцильям давно вышло из моды, а две фарфоровые чашечки — это

все, что осталось от прошлого богатства. Хозяйка продолжала следовать традициям и... улыбаться. Я восхищалась этой женщиной и была ей безмерно благодарна.

— Хороший чай из красивой чашки способен исцелять тело и душу, — произнесла госпожа привычную фразу.

— Похоже, сегодня снова будет дождь, — бодро сказала я, усаживаясь за столик и стараясь держать спину прямо.

— Ах, осень, весьма неприятное время, — изрекла моя собеседница. — Ты ходила за мост?

— Да, взяла свежий хлеб и газету, как вы просили.

Кибитку поиска я упоминать не стала. Даже милой старой госпоже я не рассказывала о себе всей правды. Я не рассказывала о себе никому.

Некоторое время мы пили чай и говорили о погоде и новостях. На мой взгляд, стоило бы обсудить заканчивающиеся дрова, протекающую крышу и способы привлечения новых клиентов, но госпожа была слишком хорошо воспитана для таких разговоров. А я давно поняла, что не стоит советовать тогда, когда совета никто не спрашивает.

— Милая Вивьен, пожалуй, я сегодня навещу госпожу Риту. Ты ведь справишься одна?

— Конечно, не волнуйтесь, — кивнула я.

— Тогда увидимся вечером, дорогая. — Хозяйка магазина чинно поднялась и напомнила: — И прошу, будь осторожна с чашками.

Я снова кивнула. А когда госпожа Фитцильям ушла, ополоснула фарфор под тонкой струей воды в помывальном закутке, обернула каждую чашку мягкой

тканью и сложила в коробку. Этот ритуал повторялся каждое утро.

Мой день покатился по привычной колее. Убрать, помыть, переставить, починить, подлатать, встретить редких покупателей, объяснить, показать, убрать...

В обед перекусила хлебом с сыром и, пока магазин был пуст, присела в старое кресло. Рассеянно открыла книгу, но чтение не заладилось. Меня одолевала тревога. Необходимо принять решение и двигаться дальше. Я благодарна этому месту и старой госпоже, но не могу навечно остаться в этом магазинчике. Моя отработка окончена, и мне пора уезжать. Вот только куда?

Может... в столицу? Слова старого рисовальщика так и звенели в ушах. Рутрием — город больших возможностей, город волшебства и людей, открывших Дверь... Все стремятся в Рутрием. Все дороги ведут в Рутрием. Так, может, и мне пора отправиться туда?

Сердце испуганно трепыхнулось, стоило задуматься. И снова перед глазами встало воспоминание. Ржавчина сидит на стуле, перевернув его спинкой вперед. Его темные глаза блестят, словно смола на солнце, а губы мечтательно улыбаются.

«Ты знаешь, куда я отправлюсь, как только мне исполнится семнадцать, малявка? В Рутрием!»

«И что ты будешь там делать?» — хмыкаю я.

«Богатеть, что же еще! — Ржавчина хохочет, как умеет только он — заразительно и лихо. — В столице столько богатеев, что они точно поделятся со мной монетами! И стану я не Ржавчиной, а Золотом, вот увидишь!»

«Дурак, — бурчу я. Мне неприятно думать, что парень уедет в столицу, бросив меня одну. — Нужен ты кому в том Рутриеме! Нищеврод приютский! Там и своих желающих хватает».

«Много ты понимаешь, малявка!» — снова смеется парень и щелкает меня по носу.

И я стучу по его рыжей макушке, дергаю за волосы, вымещая страх и обиду... И словно почувствовав, Ржавчина вдруг обнимает меня.

«Не бузи, мелочь. Я разбогатею и заберу тебя, вот увидишь. Думаешь, я тебя брошу? Глупая».

И я затихаю, осторожно втягивая его запах и тепло...

Звон колокольчика выдернул меня из прошлого, и я едва не вылила на себя горячий чай, который пила из самой обычной глиняной кружки. Фарфоровый ритуал позволялся лишь в присутствии хозяйки.

Выругавшись себе под нос и прикусив язык, надеясь, что посетитель не услышал, я метнулась к двери. Губы сложились в самую доброжелательную улыбку из всего моего арсенала. А когда я увидела гостя, вернее — гостью, к ней добавилось искреннее изумление.

Девушка, стоящая на пороге, точно не была жительницей Лурдена. И вряд ли ее мог вообще заинтересовать этот убогий магазинчик старых потрепанных книг. Она словно только что вышла из самого модного салона того самого Рутриема, о котором я мечтала минуту назад.

Ее лицо прикрывала густая вуаль, волной спускающаяся от круглой меховой шапочки.

С любопытством я осмотрела дорогой дорожный костюм незнакомки. Красивая и совершенно непрактичная светло-зеленая юбка и короткий жакет с меховым

воротником и такими же манжетами. Из-под подола виднелись носы дорогих бежевых ботинок. Беж! В осеннюю грязь! Да как можно? От ног мой взгляд метнулся к муфточке из серебристого меха, которую держала девушка. И к ее маленькой круглой сумочке, в которую не поместится и расческа.

Непрактичность — первый признак истинного богатства. Ни один бедняк не наденет на себя такую одежду.

А потом гостья откинула вуаль. И я... отшатнулась. Она рассмеялась моему изумлению.

— Да, я вот тоже не поверила, когда увидела твой портрет, — голос у девушки оказался чуть тоньше моего. — Это довольно странно — увидеть свое собственное лицо на какой-то поисковой кибитке. Я была уверена, что кто-то ищет меня. Но потом рассмотрела прическу и край воротника... увидела надпись и имя. И поняла, что где-то в Лурдене живет девушка, изумительно похожая на меня! Ну просто как сестра-близнец! Может, так и есть?

— Вряд ли, — хрипло от потрясения произнесла я. — Мои родители погибли, когда мне едва исполнилось пять. И у меня не было сестер.

Все еще не веря, я рассматривала лицо незнакомки, так изумительно похожее на мое. При детальном рассмотрении сходство слегка рассеивалось, я замечала различия. Иной цвет глаз — светло-зеленый, а не темно-серый, крошечная горбинка на носу, которой у меня нет, родинка над губой. Гостья выглядела старше и была полнее. Ее глаза сверкали озорством, а в моих таилась грусть.

Ну и, конечно, волосы. Мои темные волнистые прядки едва достигали плеч, а светлые кудри незначкомки спускались из-под кокетливой шляпки до самой поясницы.

— Это что же, книжный магазин? — Она наконец оторвала от меня цепкий взгляд.

— Так и есть. — Я тоже очнулась и вспомнила о своих обязанностях. — Это книжный магазин госпожи Фитцильям. У нас небольшой выбор новинок, но есть просто удивительные издания прошлого... Хотите посмотреть?

— Занятно, занятно, — пробормотала девушка, проходя к стеллажам. Ее взгляд пренебрежительно скользнул по свиткам и фолиантам, но интереса в глазах не возникло.

Я лихорадочно оглянулась, пытаюсь понять, что предложить нежданной богачке.

— Вы проездом в Лурдене?

Она поморщилась, глядя на древние напольные часы в углу. Окошко с кукушкой в них сломалось, да и механизм барахлил, но стекло все еще сияло, а красное дерево радовало изящным узором.

Вот только для заезжей столичной модницы это — всего лишь старая рухлядь.

Внезапно стало обидно и захотелось, чтобы незначкомка ушла. Зачем она здесь? Уж точно явилась не за томиком «Благих изречений»!

— Я приехала к тебе. — Гостья отвернулась от часов и посмотрела мне в глаза. — У меня к тебе предложение, Вивьен.

— Вы знаете мое имя?

— Я спросила у местного булочника. Лурден такой... милый городок. Все друг друга знают.

— И зачем вы меня искали?

— Давай присядем, — она по-хозяйски кивнула на гостевые кресла, накрытые кусками синего бархата. Так я старалась придать хоть немного лоска потертым сиденьям. — Меня зовут Иви-Ардена. Иви-Ардена... Левингстон. Я предпочитаю второе имя.

Легкая заминка и быстрый взгляд из-под ресниц. Но мне ничего не говорила эта фамилия, и девушка улыбнулась.

— Это довольно известная фамилия. Знаешь, даже приятно встретить человека, который ничего не знает о Левингстонах. Так вот... месяц назад я увидела твой портрет на одной из кибиток. Удивилась, не поверила, а потом подумала... что ты могла бы мне помочь, Вивьен.

— Чем это? — насупилась я.

Ардена рассмеялась.

— Какая же ты колючая... а не стоит. Ведь я приехала, чтобы сделать тебе невероятное, волшебное предложение. Тебе невероятно повезло, Вивьен. Можно сказать, твое лицо обеспечило тебе пропуск в богатую и счастливую жизнь.

Я снова нахмурилась. Жизнь в приюте как-то отучила меня верить в бесплатный сыр.

— Я узнала кое-что о тебе, — улыбаясь, продолжила гостя. На старом кресле она расположилась с аристократичным изяществом. Впрочем, несомненно, она и являлась представительницей высшего общества.

Я скопировала ее позу, не желая ударить лицом в грязь.

— Вивьен Джой, девятнадцати лет от роду. Сирота, выпускница местного приюта. С семнадцати распределена в этот книжный магазин для помощи хозяйке. По сути — служанка и рабыня.

— Это не так! — взвилась я.

Но гостя остановила мои возмущения.

— Ах, не стоит. Я понимаю, что значит такое распределение. Приют отдал тебя в услужение, тебя купили за жалкие медяки. Ты работаешь за кров и скудную еду. Впрочем, тебе повезло, здесь лучше, чем в каком-нибудь... салоне.

Она усмехнулась, а я покраснела. Да, я знала, что бывает и такое. Сирота не может выбирать, где отработывать два года после выпуска. И мне действительно повезло. Меня купила приличная вдова Фитцильям, а не владелец швейной лавки, о котором ходили дурные слухи. Например, что девушки шьют днем, а ночами занимаются совсем другим делом.

— Вас это не касается.

— Конечно, — спокойно произнесла Ардена Леvingстон. — Твое прошлое меня волнует лишь до определенного момента. Скажи, ты ведь умеешь читать и писать?

— Конечно, — вспыхнула я.

— Замечательно. И держишься весьма... неплохо! Если тебя привести в порядок... Худа только. И почему ты такая худая, словно с рождения не ела! Но лицо... глаза... Ах! Я не верила... Какая удивительная удача! Для тебя, понятно, — спохватилась гостя.

— О чем вы говорите? Что вам надо?! — не выдержала я.

— Ты должна стать мной, — торжественно объявила гостя. — Заменить меня на год.

— Что?

Мне слышалось? Или незнакомка — сумасшедшая?

— Где заменить?

Ее глаза сверкнули в свете керосиновой лампы.

— В Двериндариуме.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

